

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1995 г. А.Д. ДУЛИЧЕНКО

О ПРИНЦИПАХ ФИЛОСОФСКОГО ЯЗЫКА ЯКОБА ЛИНЦБАХА  
(К истокам лингвосемиотики)

О личности и научных занятиях Якоба Линцбаха известно очень мало. А между тем это был во многих отношениях самостоятельный и оригинальный мыслитель, чьи труды современники либо не понимали, либо не принимали по одной причине: излагавшиеся в них идеи нередко, как нам кажется, обгоняли свое время. И сейчас к некоторым идеям Линцбаха можно относиться с известной долей скептицизма. Но нельзя отказать этому выдающемуся эстонцу в том, что он смотрел на окружающий мир по-своему, с пристрастием и желанием разрешить его исторически сложные противоречия...

О нем писали немного, но даже то, что было написано, свидетельствует: Линцбаха все же как-то ценили. Прежде всего это относится к области международной языковой коммуникации – интерлингвистике. Так, в книге Э.К. Дрезена "За всеобщим языком", вышедшей в 1928 г., Линцбаху посвящен небольшой раздел (по существу – параграф), в котором даны сведения о его философском языке и математической идеографии [Дрезен 1928 : 220–221]. Его труды включены в фундаментальную "Библиографию международного языка" П.Е. Стояна [Stojan 1929 : 90, 116, 197, 513]. Краткая характеристика проекта философского языка и математической идеографии Линцбаха содержится в вышедшем недавно справочно-энциклопедическом издании по интерлингвистическому лингвопроектированию [Дуличенко 1990 : 206, 217–218]. 50 лет спустя на главный труд Линцбаха сочувственную рецензию написал И.И. Ревзин [Ревзин 1965 : 339–344]. Небольшая статья о нем как пионере семиотики появилась в 1967 г. [Kaur 1967]. Безвременно скончавшийся эстонский литературовед и историк культуры Р. Круус собирал о Линцбахе архивный материал, частично опубликовав его на эстонском языке [Kruus 1979: 98–101; 1987: 23–25]. Последней по времени была статья о Линцбахе в "Эстонской энциклопедии" [Eesti entsüklopeedia: 1990: 588].

Якоб Линцбах родился 9(21) июня 1874 г. в деревне Кыммасте прихода Ристи в Эстонии, – так пишет он сам в главе "История моего исследования" в неопубликованной монографии "Универсальный язык", хранящейся в отделе рукописей и редких книг научной библиотеки Тартуского университета (лл. 416–436). Учился в техническом железнодорожном училище в Таллине, которое закончил в 1891 г. Затем он работал на железных дорогах России, с 1902 г. поселяется в С.-Петербурге, устраивается там работать в литографическую артель, преподает в школе черчение. В 1920 г. в качестве опланта Линцбах возвращается из Петрограда в Таллин. "В 1924 г., – пишет он, – я поехал из Ревеля (старое русское название Таллина) в Париж с целью помогать там моему сыну, молодому художнику, – старший сын мой погиб в роли красного командира под Полтавою... Содержал я в Париже себя и сына картографическою работою, которую производил у себя дома за сдельную плату для литографии... В Париже я дополнил свои познания французского языка, научившись

мыслить и писать на нем самостоятельно, не нуждаясь в работе переводчика" (лл. 424–425). В 1941 г., после того как Франция была оккупирована немцами, Линцбах с разрешения советских властей возвращается к себе на родину и поселяется в Таллине. Далее он пишет: "В ночь на 9 марта 1944 года в результате воздушной бомбардировки Ревеля здесь сгорели все мои книги и рукописи, а сам я, сидя в это время в убежище, остался в живых" (л. 426). С 1947 г. Линцбах выходит на пенсию, а 6 лет спустя, 30 апреля 1953 г., он умер. Похоронен в г. Таллине.

Чем бы ни занимался Линцбах, он во всем проявлял максимум самостоятельности, везде мог сказать свое особое слово. В возрасте 25 лет (в 1899 г.) он публикует в Москве книгу по устройству водопроводов и канализации; его интересует скоропись, он изучает ее историю, знакомится со многими скорописными системами и вскоре предлагает свою "универсальную стенографию", "усваиваемую, – как он пишет в названии книги, – за два дня" [Линцбах 1901]. Стенография побудила Линцбаха к научным разысканиям, связанным с человеческим языком, и привела его к проблеме создания так называемого философского языка, над которым он работал практически всю свою жизнь. В значительной мере этот интерес подстегивался также его интерлингвистическими занятиями: Линцбах был знаком с такими международными искусственными языками, как волапук, эсперанто, а позднее и с идо, с созданным его коллегой и другом Э. Валем международным языком окциденталь (позднее переименован в интерлингве) и др.

Теоретические разработки идеи философского языка падают в основном на XVII–XVIII вв. и связаны с именами выдающихся философов того времени – Р. Декарта, Г.В. Лейбница, Я.А. Коменского и др. Декарт, например, считал, что в целях успешного проникновения человеческой мысли в тайны вещей этнические (или так называемые естественные) языки неудобны из-за наличия в них большого числа исключений из правил, а потому предложил набросок нового, философского, языка, в котором были упорядочены формы и понятия, ими выражаемые. Именно с этой идеи Декарта во Франции в XVII в. формируется рационалистическое направление в языкознании, давшее широко известную "всеобщую рациональную грамматику" (известную также как "грамматика Пор-Рояля") А. Арно и К. Лансло. В XVII в. идея философского языка получает достаточно широкое распространение в Англии (ср. проекты такого языка Дж. Далгарно, Дж. Уилкинза и др.). В XVIII в. в ряде других европейских стран к ней проявляют еще серьезное внимание. Лишь в XIX в., несмотря на появление ряда грамматик всеобщего, или философского, языка, интерес к ней падает, хотя не затухает окончательно: проекты философских языков продолжают создаваться до настоящего времени [Кузнецов 1987 : 56 и сл.; Дуличенко 1990 : 29 и сл.].

По структуре философский язык мыслился априорным, т.е. основанным не на уже апробированном человечеством языковом опыте (ср., например, апостериорные международные искусственные языки типа эсперанто, который базируется на романском, германском и славянском корнеслове и грамматических элементах), а на совершенно искусственных формах. Опираясь на определенные классификационные принципы, создатели таких проектов выделяют систему общих и частных понятий, каждое из которых наделяют различными условными знаками (буквами, цифрами, иными символами); важно для таких проектов, чтобы понятия и их условные обозначения находились в определенных, строго логических, отношениях друг с другом. Философские языки практически исключали идею развития, т.е. идею изменения во времени отдельных элементов и блоков языка, они создавались "навсегда", "на все времена". В прагматическом плане они предназначались прежде всего для мыслительной работы, а не для живого общения.

Решению этой давней проблемы Линцбах и посвятил всю свою жизнь. В 1916 г. в Петрограде он издает книгу с совершенно неожиданным для того времени названием: "Принципы философского языка. Опыт точного языкознания" [Линцбах 1916] (в дальнейшем в тексте статьи ссылки на это издание). Книга вышла в типографии

товарищества А.С. Суворина "Новое время". Автор торопился издать ее, так как, пишет он в предисловии к ней, ему "пришлось писать эту книгу не в том спокойном и ровном настроении духа и не в тех условиях неограниченного досуга, в которых предполагал это делать, ибо, состоя с момента объявления войны в числе ожидающих призыва, он не чувствовал себя более свободным распорядителем ни своего времени, ни самой своей жизни". Он должен был "работать спешно для того, чтобы спасти это свое исследование, явившееся результатом всей сознательной половины его жизни – около четверти столетия, от возможного уничтожения" [Линцбах 1916 : XII].

Таким образом, идеи этой книги занимали ее автора с начала 90-х гг. XIX в. Указание на этот момент очень важно, поскольку покажет нам в дальнейшем, что Линцбах нередко обгонял или же шел в ногу с современной ему наукой – философией, языкознанием, математикой и др.

В поисках принципов философского языка Линцбах опирался на идеи Г.В. Лейбница, в частности, на его мысль о том, что необходимо создать рациональный язык для мышления. Для реализации "проекта упорядочивания идей духа" необходимо было, по Лейбницу, свести все многообразие человеческих идей к своего рода "азбуке мысли", т.е. к определенной системе понятий, полученных в результате строгих математических вычислений [Leibniz 1666]. "Оптимальный язык для науки", по выражению самого Лейбница, можно создать, опираясь на метод комбинаторики, заключающийся в том, что путем объединения различным образом простых понятий получают новые, сложные понятия. Каждому понятию присваивается определенный знак (character) – своего рода его зрительный символ (нечто подобное, но все же далекое, по Лейбницу, от оптимальности напоминают иероглифы, цифры, другие алгебраические знаки и под.).

Книга Линцбаха "Принципы философского языка. Опыт точного языкознания" состоит из семи глав, каждая из которых посвящена построению "идеальных" сущностей, а именно – письма, языка, представлений, понятий, знаков, выражений, культуры, в совокупности составляющих "идеальный", или философский, язык. При этом для достижения "идеального письма" важнейшим оказывается "принцип сокращения", для "идеального языка" – "принцип упрощения", для "идеальных представлений" – "принцип непрерывности", для "идеальных понятий" – "принцип прерывности", для "идеальных знаков" – "принцип упорядочивания", для "идеальных выражений" – "принцип приспособления" и, наконец, для "идеальной культуры" – "принцип достижения".

Рассматриваемые Линцбахом принципы по существу формируют целостную программу построения общей семантики в виде философского языка с его инвариантными характеристиками. И здесь следует особо подчеркнуть, что Линцбах идет к этой цели, вырабатывая взгляды на сущность языка и предлагая подходы к нему, часть из которых получит широкое распространение в мировой лингвистике и семиотике благодаря прежде всего Ф. де Соссюру. Но делает он это совершенно самостоятельно, независимо от Ф. де Соссюра, "Курс общей лингвистики" которого появился в печати в том же 1916 г. [Saussure 1916], что и "Принципы философского языка". Напомним, что основные идеи "Принципов философского языка" формировались у Линцбаха начиная с 90-х гг. XIX в.

К разработке принципа сокращения применительно к письму и языку Линцбаха подтолкнула стенография, а также, без сомнения, его знакомство с проектами международных искусственных языков. "Сокращение есть не что иное, – пишет он, – как вытеснение из данной системы лишнего по данному времени количества моментов", при этом "удаляются именно те моменты, которые обладают для нашего сознания наименьшим значением [= значимостью]" (с. 7). Помимо параметра времени, Линцбах учитывает, таким образом, и параметр семантической значимости знака, вплотную подходя, с одной стороны, к проблеме избыточности, с другой к экономии в письме и языке. Стенография полностью построена на принципе сокращения: 1) сокращением является уже индивидуальный почерк, 2) прием пропуска гласных

(особенно в середине слова), 3) необозначение окончаний, 4) обозначение части слов лишь отдельными знаками (типа русского г. — *город* и *год*, кг — *килограмм* и под.), 5) недословное записывание речи. В речи образцом сокращения может служить скороговорка, когда, например, вместо *Здравствуйте, Иван Иванович* говорят *Здрасьте, ваниваныч* (с. 9). В простонародной речи, полагает Линцбах, преобладают, как правило, двусложные слова, в то время как "слова, в состав которых входит большое число слогов, суть почти исключительно новые слова, возникшие применительно к письменной речи" (с. 38). В дальнейшем их судьба будет заключаться в сокращении, т.е. в уменьшении количества слогов, так как "этого настоятельно требует удобство произношения": такие сокращенные слова "для нас экономнее" (с. 38–39). Существенно также, что "полное" письмо, как и "полная" речь, неудобны и невыгодны для пишущего (геср. говорящего), читающему же (геср. слушающему) они помогают воспринимать информацию во всей полноте. Лишь со второй половины XX в. понятие избыточности буквенного кода и языка становится одним из важнейших в теории информации (наряду с такими понятиями, как предсказуемость, энтропия и т.д.).

В "Курсе общей лингвистики" Ф. де Соссюр придавал особое значение дихотомическому принципу, лежащему в основе деления наук и характеристик исследуемых объектов (за что впоследствии некоторые лингвисты упрекали его в "пристрастии к дихотомиям"). Ф. де Соссюр акцентировал, как известно, свое внимание на дихотомии внешней и внутренней лингвистики, синхронной и диахронной лингвистики (грамматики), языка (*langue*) и речи (*parole*), парадигматических и синтагматических отношений. Показательно, что дихотомический подход широко используется и Линцбахом, когда он раскрывает введенный им принцип графического и языкового сокращения. Так, под этим углом зрения сокращенные графические формы противопоставляются полным по следующим признакам: индивидуальный почерк — каллиграфический, текст без гласных — текст с отражением гласных, слова (в стенографии) без окончаний — слова с окончаниями (в обычном письме) и др. Полное письмо читается и воспринимается легче, чем сокращенное; оно неудобно для пишущего и удобно для читающего, требует большей траты времени и усилий при меньших затратах времени и усилий при сокращенном письме и т.д. Достаточно полно этот принцип раскрыт Линцбахом в разделе "Опыт рациональной фонетики" (с. 31–37), где вслед за выделением "двух противоположаемых друг другу категорий звуков — гласных и согласных" — он проводит достаточно последовательную дихотомическую характеристику выделенных на основе "простоты, правильности и симметрии" 8 согласных и 8 гласных. Согласные делятся на губные и язычные, безгласные (глухие) и голосовые (звонкие), моментальные (взрывные) и длительные (фрикативные), а гласные — на неязычные и язычные, твердые и мягкие, звонкие ("через зубы") и глухие ("через губы"). Линцбах идет дальше, вводя теперь уже единые дифференциальные признаки для гласных и согласных. Так, в соответствии с этим заднеязычными оказываются *к* — *у*, *х* — *ы* и др., переднеязычными *т* — *й*, *с* — *и* и др. и, наконец, в более общей, язычной, группе находят место отмеченные выше пары плюс их звонкие корреляты. Дихотомии лишены только *м*, *л*, *н*, *р* (и соответствующие "картавые" *н*, *р*), поскольку у них нет вокалических соответствий (т.е. соответствий среди гласных) и нет "безголосной формы согласных" (т.е. нет соответствия глухим согласным). В этой связи есть основание утверждать, что Линцбах предвосхитил постулаты дихотомической теории фонем, всесторонне развитой в фонологических трудах Н.С. Трубецкого [Troubetzkoу 1939] и последующими поколениями фонологов. Применив принцип сокращения по отношению к синтаксису, Линцбах выделил здесь "сложное предложение как слитную форму", содержащую в себе несколько простых предложений" (с. 39). Так, три простых предложения *Человек вернулся*; *Человек пришел*; *Человек говорит*, имеющие общее подлежащее (*человек*), свертываются в одно сложное с общим подлежащим и тремя сказуемыми — *Человек вернулся, пришел и говорит*, т.е. сложное

предложение, по Линцбаху, представляет собой не что иное, как случай сокращения, вызываемого потребностью речевой (resp. языковой) экономии. Полное предложение состоит только из двух слов – подлежащего и сказуемого, всякие другие, считает Линцбах, более сложные предложения являются сокращенными (или неполными). Такое понимание, по нашему мнению, близко и теории о глубинной (т.е. "полной") и поверхностной (т.е. "сокращенной") синтаксических структурах, которая стала разрабатываться достаточно активно лишь со второй половины XX в. Линцбах не просто вводит понятие синтаксической дихотомии, но и дает интересные характеристики ее составляющих. Так, полная форма (или "изложение") обладает внешней сложностью, но внутренней простотой, сокращенная же форма – внутренней сложностью, но упрощенной внешней стороной выражения. Приближаясь к первому, мы отдаляемся от второго. Далее: полная форма – это основание для сокращенной формы и в то же время ключ для дешифровки сокращенного выражения и т.д. Давая наброски "идеального языка", Линцбах реализует здесь "принцип упрощения", оперируя дихотомическими характеристиками фонем (хотя термина "фонема" он не употребляет), слогов, слов и "суждений" (= предложений) (с. 37–41).

Принцип непрерывности и принцип прерывности рассматриваются Линцбахом на разном материале. Непрерывностью характеризуется язык природы, в то время как человеческий язык, обладающий дискретностью (т.е. делением на единицы разных уровней), представляет собой образец прерывной сущности. Непрерывен кинематографический язык, который создает "иллюзию действительности" и который Линцбах называет также "настоящим всемирным языком", "механическим языком", а в одном месте даже "новым видом языка – без слов и без грамматики" (с. 75). Его недостаток в чрезмерной полноте и, соответственно, в отсутствии краткости ["Кинематография осуществляет идею наиболее совершенного, наиболее полного языка" (с. 70)]. Кинематографический язык складывается из движущихся кадров ("картин"). Линцбах вводит понятие кинематографии схем, подробно показывая расположение и движение схем-картин в двухмерном пространстве (высота и ширина). Так, помещаемые им 4 схемы-изображения, представляющие собой дом с четырех сторон, достигаются посредством 101 линии, в то время как описание этих четырех схем средствами обычного языка требует 131 слова, но и при этом, как полагает Линцбах, "оно не дает нам полного, ясного и точного представления о том, что так просто представлено в нашем кинематографическом описании" (с. 75). Несмотря на свою "полноту", кинематографический язык тем не менее оказывается в несколько раз короче обычного (письменного) языка, а это плодотворно отражается на "экономии нашего мышления". Это первое различие. Второе сводится к тому, что в кинематографе художнику открывается возможность такой свободы (комбинирование кадров), которой нет ни в каком другом языке, в том числе и в словесном, этническом. Однако между кинематографическим и устным (этническим) языками имеются все же точки соприкосновения, в частности, в том, что как изображения, так и слова "существуют только в самый момент произнесения [resp. показа] и исчезают тотчас" (с. 84–85). И еще. Оба эти вида языка (как, впрочем, и письмо) не лишены искажений: в кинематографе это сокращения, понимаемые как уменьшение размера предмета, а в словесном языке – это скороговорочное произношение и др. Проблема искажений, помех, как известно, весьма актуальна в теории информации.

Принцип упорядочивания применяется Линцбахом применительно к "идеальным знакам". Надо сказать, что Линцбах совершенно осмысленно и к тому же активно оперирует понятием "знак" как в отношении единиц человеческого языка, так и в отношении единиц других видов языка. И здесь мы вновь обнаруживаем удивительный параллелизм семиотических суждений Линцбаха и Ф. де Соссюра. В одном месте книги Линцбах пишет: "Слова сами по себе не выражают ничего, а являются лишь условными знаками, значение которых должно быть известно" (с. 64). В другом месте он связывает это с порядком в математике: ср.: "Раньше чем составить из этих знаков

[типа *по*, *фа* и т.д., т.е. слогов] какие-либо выражения, необходимо условиться, что именно будут означать отдельные знаки. Ибо сами по себе, вне установленной конвенции, они не выражают ничего. Поэтому традиционная фраза математиков – примем, что такая-то буква означает одно, а такая-то буква – другое, например, что *t* есть время, а *l* – путь, что *a*, *b*, *c* суть величины известные, а *x*, *y*, *z* – величины неизвестные и т.д., – должна предшествовать здесь всякому описанию. Само по себе такое условие является совершенно произвольным, ибо мы можем придавать отдельным буквам какие угодно значения" (с. 173). Таким образом, Линцбах, как и Ф. де Соссюр, придает знаку условный, произвольный характер, его значение конституируется на основе конвенции между будущими потребителями этого знака (resp. знаков) и должно быть известно заранее. Однако поражающий воображение параллелизм семиотических суждений на этом не кончается. Линцбах говорит не только об условном, произвольном характере значения знака, но и о значимости для него положения в системе других знаков; как и Ф. де Соссюр, он сравнивает эту ситуацию с шахматной игрой. Анализируя "кинематографию схем", он следующим образом пишет о схемах-фигурах: "Каждая первоначальная фигура имеет два значения: одно – свое собственное, а другое – указываемое положением ее на картине. Значение фигур зависит здесь так же, как в шахматной игре, не только от них самих, но и от того положения, которое они занимают" (с. 77). Пользуясь нынешней лингвосемиотической терминологией, мы говорим, что знак является не только членом парадигматических, но и синтагматических отношений, т.е. знак существует и имеет ценность именно в этой дихотомии. Взаимосвязь и взаимообусловленность языковых знаков демонстрируется сравнением с тканью: "Мы могли бы представить наши словесные произведения в виде ткани, каждая нить которой является строчкой, выражающей известные представления" (с. 97).

В самом строении языка Линцбах видит тенденцию к сокращению числа знаков, т.е. совершенно справедливо высказывает мысль об исчисляемости языковых знаков, в частности, в звуковой его стороне, об отличии их (знаков) друг от друга посредством присущих им дифференциальных признаков: "...членораздельные звуки делятся на несколько отдельных реестров, содержащих в себе одни и те же звуки, различающиеся лишь способом произношения". Эти признаки ("способы произношения") вступают в оппозиции, как, например, "безголосные" *n*, *φ* и соответствующие им "голосовые" *б*, *в*, т.е. *n* – *б*, *φ* – *в* и т.д.; "моментальные" *n*, *т*, *к* и соответствующие им "длительные" *φ*, *с*, *х*, т.е. *n* – *φ*, *т* – *с*, *к* – *х* и т.п. (с. 152–153). Таким образом, говоря о звуках, Линцбах фактически имеет в виду фонемы.

Рассматривая вопрос о языковом знаке, Линцбах замечает в нем еще одну существенную для всего языка особенность – асимметрию его формы и содержания (resp. плана выражения и плана содержания). Однако никакого специального для этого термина он не предлагает. К осознанию этого факта Линцбах приходит, занимаясь проблемой "многозначности выражений" (с. 89 и сл.): "Ею [многозначностью], – пишет он, – проникнута и обыкновенная речь, и здесь буквально нет ни одного слова, которое не означало бы в различных случаях разное..." (с. 93). Если бы язык состоял только из однозначных знаков, т.е. характеризовался бы абсолютным соответствием плана выражения плану содержания языкового знака, то "упразднилось бы самое существование языка как собрания некоторого более или менее ограниченного числа общих, неиндивидуальных и неоднозначных положений, покрывающих неограниченное число частных, индивидуальных и однозначных случаев, ибо вместо человеческого языка, располагающего относительными средствами, мы имели бы тогда язык природы, располагающий средствами абсолютными" (с. 196). Таким образом, система знаков одного языка не имеет полного референтного соответствия. Языковые знаки, обладая многозначностью либо общим значением, лишь по случаю, при их актуализации покрывают соответствующие референты: "В этом именно и состоит задача языка, чтобы, пользуясь многозначными терминами, описывать однозначные явления" (с. 93).

Как видно из рассмотренного выше, принцип упорядочивания по существу направлен на установление системного характера языковых блоков и языка в целом. Действительно, Линцбах пишет о языке именно как о системе, хотя и "несовершенной", и при этом постоянно меняющейся, ср.: "Строй обыкновенного языка есть строй некоторой несовершенной системы, в которой основание счисления не отличается постоянством и меняется без какого-либо разумного основания" (с. 136). Последняя фраза приведенной цитаты ("меняется без какого-либо разумного основания") подразумевает изменения в системе, вызванные стихийными (а не рациональными) тенденциями, т.е. нарушающие установившуюся было системность. Показательно, что Линцбах видит систему не только в этническом языке, но и в других семиотически близких видах языка, например, в разных видах искусства. Так, он специально анализирует "систему музыки" и высказывает идею "о переводе выражений языка на выражения музыки" (с. 164). В истории интерлингвистики, кстати, подобная мысль уже высказывалась, в частности, французом Ж.Ф. Сюдром, работавшим над проектом всемирного искусственного языка сольресоль (Solresol) [Sudre 1866; Дуличенко 1990 : 89–90]. Сольресоль был построен на базе музыкальных нот, различные комбинации которых создавали его словарь и грамматику. Как утверждал сам лингвосоиздатель, на этом языке (называемом также "музыкальным языком") можно было не только говорить и писать, но и петь, а также исполнять его на музыкальном инструменте. Линцбах ищет также системные отношения в плясках и жестикуляции, в ритмических телодвижениях и позах.

Что касается принципа приспособления, то под ним Линцбах понимал "отвлечение и кристаллизирование наиболее подходящих индивидуальных условий" для "некоторых индивидуальных способов выражения" (с. 196). Иными словами, каждый конкретный знак в рамках соответствующей ему системы должен находиться в оптимальных условиях, т.е. занимать подобающее ему место. При этом Линцбах считает, что основание такой системности не может оставаться постоянным, неизменяемым, ибо это привело бы к "выражениям, обладающим такой степенью однозначности, что упразднилось бы самое существование языка" (с. 196). В качестве практической иллюстрации этого теоретического положения Линцбах строит язык, в котором "новые знаки, удовлетворяющие требованиям наибольшей простоты, наибольшей стройности и системности, употреблены для выражения всякого рода аналитических формул. Заменяя ими обыкновенные математические знаки, буквы и цифры, мы должны получить выражения, имеющие наиболее совершенную форму" (с. 173). Существенно, что сам этнический язык Линцбах считает одной из "форм приспособления", которой владеет человек. Он уверен в том, что, "появившись [на заре цивилизации] у одного народа, язык перенимался другими народами, которые перерабатывали его каждый по-своему" (с. 214, 215), т.е. приспособливали к своим потребностям и постепенно тем самым совершенствовали его.

Каким же видится Линцбаху философский язык, который он называет то "новым", то "идеальным" языком? Прежде чем обозначить контуры этого языка, необходимо познакомиться с тем, как Линцбах смотрит на этнические языки, которые он также называет по-разному, "естественные", "словесные", "обыкновенные и обычные", "обыкновенные словесные", "готовые, исторические", "национальные". Отношение Линцбаха к этническим языкам весьма скептическое (иначе для чего было бы заниматься поисками идеального философского языка!): «Каждый исторический язык, – утверждает он, – представляет собой некоторую более или менее запутанную систему, в которой случайное господствует над постоянным, нецелесообразное над целесообразным, "исключение" над "правилом". И это понятно, ибо язык является не продуктом научной мысли, а продуктом бессознательного творчества первобытного человека. Он гениален лишь постольку, поскольку гениально все бессознательное» (с. 42). Этнический язык, как видим, это все же система, но поскольку она проведена непоследовательно (исключения "господствуют" над правилом и под.), то это "запутанная система". Совершенно очевидно, что Линцбах подходит здесь к этническим

языкам прежде всего не как к средству практического общения, а хочет видеть в языке рациональное средство для мыслительной деятельности. А именно с этих позиций этнические языки "оказываются лишенными какой-либо точной логики и философии" (с. 42). Традиционное языкознание занято "сбором и коллекционированием сырого материала, доставленного нам историей". В противоположность ему "существует возможность точного языкознания, в котором все, без малейшего исключения, построено на принципах математики... Предметом точного языкознания является не дикий язык, а язык культуры в ее наиболее чистом виде – язык науки и искусства. По своим принципам это язык чистой математики" (с. IV, VI, XI); ср. в другом месте: "Язык математики в сущности и есть тот самый философский язык" (с. VII).

По существу философский язык у Линцбаха выступает в различных видах. Однако главным принципом его построения должен быть "принцип двучленного деления или так наз. двоичного счисления" (с. 136) – разумеется, при учете ранее рассмотренных принципов. В лингвосемиотическом смысле речь здесь идет о дихотомическом подходе. Знаки двоичного счисления, по Линцбаху, могут быть выражены не только цифрами (нулем и единицей), но также буквами (= звуками), другими знаками. Линцбах приводит образец построения "языка двух звуков", комбинируя различным способом цифры и придаваемые им букво-звуковые значения (например, 0 "нуль" имеет соответствием *o*, а 1 – *a*). Затем при увеличении количества буква-звуков усложняется структура слога, и построенный таким образом "двузвучный язык" (на самом деле уже "многозвучный") доводится до звукового, слогового и проч. многообразия. Такой язык, полагает Линцбах, удовлетворяет "всяким требованиям рациональной техники". На основе 8 гласных и 8 согласных, выведенных в "Опыте рациональной фонетики" (см. выше), Линцбах комбинирует 8 слогов, не поясняя, правда, при этом, почему слоги (типа *no*, *фа...*, *чон*, *шан*) имеют такой, а не иной вид. Поскольку "задача обыкновенного разговорного языка" (а также любого графического языка и кинематографии) есть "описание предметов в пространстве и времени", то вводится два ряда противопоставленных знаков (в виде цифр и соответствующих им кружочков, значков, букв): первый ряд ("согласные") выражает направление координат, а второй ("гласные") – длину. С помощью математических исчислений получаются слоги-слова, из которых складываются предложения типа *топтон фё взазбаси збй збасу вдй пта*, состоящее из 11 слогов (после исключения повторяющихся звуков-букв). В обычном языке содержание этого предложения передается тремя предложениями, состоящими из 27 слов и 57 слогов: *Перед нами находится дорога, идущая слева направо. На ней по направлению влево, идет лошадь и везет за собою сани. В санях сидит человек, протянув вперед ноги*. Делается заключение: таким образом построенный язык в 5 раз короче, чем обычный этнический. Здесь речь идет, конечно, о принципиальной теоретической возможности построения "нового языка", а не о конкретно представленном виде. При этом в качестве параметров такого языка выступают: а) в плане структуры – простота и правильность, б) в плане изложения (представления) – полнота и ясность (четкость), в) в плане исполнения (т.е. реализации) – краткость и быстрота (с. 42, 44).

Этническим языкам (ЭЯ) философский (ФЯ), предлагаемый Линцбахом в различных видах, противопоставляется рядом признаков, из которых мы бы назвали: 1) ФЯ проще ЭЯ; 2) выражения ФЯ короче выражений ЭЯ; 3) выражения ФЯ яснее, четче, чем выражения ЭЯ, которые, как правило, обладают иносказательностью; 4) принципы ФЯ более универсальны; 5) ФЯ по существу создается, в то время как в ЭЯ пользуются уже готовыми словами и формами; 6) ФЯ выступает в различных чувственных видах – в виде цифр, букв (звуков-букв), в виде рисунка, музыки и т.д., а ЭЯ – лишь в устном и письменном виде; 7) свобода комбинирования знаковых единиц ФЯ такова, какой нет в других видах языка; 8) ФЯ естественнее ЭЯ (ЭЯ одномерен, напоминает "некоторый числовой ряд", характеризуется линейностью; графич-

ческие, например, рисуночные, языки выражают действительность на двухмерном пространстве и т.д., т.е. чем больше измерений, тем менее искусственно выражается реальность).

Поскольку "многообразие природы безгранично, а силы человека ограничены..., победить это многообразие мы можем только таким образом, что противопоставляем каждому новому случаю некоторый совершенно новый язык, выражающий его [случай] с наибольшей полнотой при наибольшей краткости..." (с. 200). Так возникает идея Линцбаха о необходимости многоязычия, которое не имеет ничего общего с "многоязычием географическим и этнографическим, разделяющим страны и племена и препятствующим общению между ними". "Применяя одновременно много изолированных друг от друга языков, мы должны получить возможность постигать предметы полнее и совершеннее, чем при применении только одного единственного языка" (с. 200). При этом Линцбах ссылается на практику применения этнического языка, когда, "желая сделать нашу мысль возможно более понятной, мы высказываем ее многократно, различными словами..." (с. 200). "Следовательно, в этом отношении мы не изобретаем здесь ничего нового". Линцбах уверен, что "принцип достижения" такого языка (геср. языков) будет под силу уже ребенку, если вовремя развивать в нем интуицию и способности к логическому восприятию окружающего мира. В конечном счете от теоретических построений, содержащих немало оригинального и продуктивного, Линцбах приходит к социальной лингвоутопии, полагая, что "глубокая пропасть должна лечь между нынешним человеком, говорящим обыкновенными словами, и будущим человеком, говорящим чертежами и формулами математики", или, по-другому, между "человеком математического языка" и "человеком языка обыкновенного". "Человек математического языка", по Линцбаху, призван "упразднить необходимость столь продолжительного существования национальных языков и национальных культур" и стать "человеком высшей математической культуры" (с. 220, 221, 223).

Ранее мы показали, что Линцбах одновременно и независимо от Ф. де Соссюра пришел к пониманию языка как знаковой системы и важности применения дихотомического подхода к его исследованию. Есть и другие интересные параллели в работах этих двух мыслителей. Так, оба обращают внимание, например, на различия между письменным языком и устной речью. У Ф. де Соссюра письменный язык – "нечто прочное и неизменное, более пригодное, нежели звук, для обеспечения единства языка во времени", он предпочтительнее, более авторитетен и значим для носителей [Соссюр 1977 : 64]. Линцбах выделяет следующие параметры устной речи и письменного языка: 1) неустойчивость ("форма неустойчивая, непостоянная и изменяющаяся") – устойчивость ("форма устойчивая, постоянная и неизменная"), 2) отсутствие "взвешенности и обдуманности" – наличие этих признаков; 3) "устное слово исчезает немедленно" – "письменное слово как некоторый остающийся предмет"; 4) устной речи соответствуют продукты культуры в виде народных былин, сказок и под. – письменному языку соответствует "творчество высшего порядка, выражающегося в создании того, что называется литературой" (с. 216 и сл.).

В своем главном труде "Принципы философского языка" Линцбах высказал и ряд других идей, которые лишь спустя десятилетия стали объектом размышления лингвистов и философов. Так, в тексте работы Линцбаха прослеживается совершенно очевидное стремление дойти до "схемы языка", ср.: "Заменяя наблюдаемые нами конкретные явления языка мыслимым предельным случаем, мыслимой предельной схемой этих явлений, мы будем иметь дело уже не с реальными фактами, а с идеальными принципами. Исходя из этого мы получим возможность изучить язык не в качестве предмета эмпирического знания, а в качестве предмета знания отвлеченного" (с. 43; опыт получения такой "схемы" на с. 173–188). В этом направлении с конца 20-х гг. пойдет создатель глоссематики Л. Ельмслев, начавший, кстати, свои теоретические исследования работой "Принципы всеобщей грамматики" (1928) и применивший формально-логические и математические методы для непротиво-

чивого описания языка [Hjelmslev 1943]. Показательно, что создатели этой теории называют ее также "алгеброй мысли", что напоминает "азбуку мысли" Г.В. Лейбница, от которого отталкивался и Линцбах. Используемое в глоссематике понятие "схемы языка" подразумевает его (языка) чистую форму, вне материальной основы (ср. в этом плане выше приведенную цитату из работы Линцбаха о "схеме языка"). Далее. Условия научного описания в виде непротиворечивости, исчерпываемости и предельной простоты у глоссематиков соответствуют ранее высказанным постулатам Линцбаха. Линцбах в полной мере сознавал также необходимость построения метаязыка "точного языкознания": "...задачей науки является выработка терминов, и предельное состояние, к которому стремится наука, есть некоторый идеальный язык как совокупность методов кратчайшего описания" (с. 197). Мысль Линцбаха о математическом языке и математически ориентированных языках, высказанная в начале XX в., нашла поддержку во второй половине XX в. в кибернетике, прикладной лингвистике и других областях. Показательно в этом отношении высказывание Н. Бора: "В нашем рассуждении... мы будем считать ее [чистую математику] скорее усовершенствованием общего [т.е. этнического] языка, оснащающим его удобными средствами для отображения таких зависимостей, для которых обычное словесное выражение оказалось бы неточным или слишком сложным... Необходимая для объективного описания однозначность определений достигается при употреблении математических символов именно благодаря тому, что таким способом избегаются ссылки на сознательный субъект, которыми [ссылками] пронизан повседневный язык" (Bohr 1955 : 17–18).

На рубеже двух веков Линцбах задумывается над созданием пишущей машины из 10 клавишей, составляет алфавит нового вида письма – многопалого, говорит о возможности создания алгебраической и логической машин, задумывается над конструированием механического прибора для произношения звуков, поскольку рот, как он считал, не является идеальным механизмом производства речи ("первоначально был создан не для речи, а для еды. К речи он приспособлен впоследствии, и здесь конструкция его не могла не вносить дисгармонии в строение речи", с. 31). Реализацию некоторых этих идей мы наблюдаем в наши дни.

Конечно, далеко не все идеи и соображения Линцбаха, связанные с построением общей семантики в виде философского языка, могут быть приняты сейчас. Мы уже указали на утопичность идеи "человека математического языка". Добавим также, что весьма странно звучит в этой связи утверждение такого рода: "Приемы нового языка – приемы математики... С течением времени, когда язык этот делается языком обиходным (?), дети, вырастающие среди говорящих (?) на нем, будут обладать основными математическими познаниями и навыками уже в возрасте 1–2 лет" (с. 205). А между тем на протяжении всей книги автор говорит о таком языке как о "специальном языке науки"! К тому же трудно представить себе, как можно практически общаться математически ориентированным языком как единственным средством?.. Линцбах утверждал, например, что в кинематографическом языке "отсутствуют знаки того вида понятий, которые мы в обыкновенном языке объединяем под названием грамматики. Это различные предлоги, союзы, окончания, приставки и т.д... Хотя язык кинематографа не имеет никакой грамматики..., грамматика эта растворена в прямом изображении" (с. 70). Между тем позднейшими исследованиями по семиотике кино была выявлена и "грамматика кинематографа", ср., например, мнение Ю.М. Лотмана: "Весь механизм сопоставлений и различий, связывающих кинообразы в повествовании, может быть охарактеризован, как принадлежащий грамматике кинематографа" [Лотман 1973 : 58]. Правда, справедливости ради следует сказать, что "грамматику кинематографа" Линцбах все же ощущал: "Фигуры [в кинематографе] сами по себе изображают только отдельные предметы, положение же их выражает то или иное отношение их друг к другу" (с. 77), т.е. положение фигур в смысле связи как раз и представляет собой грамматику.

Принципы философского языка Линцбах развивал и в ряде последующих работ, которые публиковал на свои скромные средства и очень маленькими тиражами. В частности, он много работал в русле так называемой математической идеографии, сущность которой состоит в замене математических знаков и формул фигурами, изображающими конкретные предметы и отвлеченные понятия. Одну из таких работ он опубликовал в 1921 г. на международном искусственном языке окциденталь [Linzbach 1921]. Линцбах выпускал бюллетень по математической идеографии по-немецки в Ревеле в 1922 г. и по-французски в Париже в 1930–1931 гг. ["Mathematische Ideographie"; "Zeitschrift für exakte Logik und Linguistik"; "Idéographie mathématique. Étude du langage mathématique"]. Этой же теме посвящены и две небольшие книги (брошюры), изданные Линцбахом в Париже в 1925 и 1931 гг. [Linzbach 1925; 1931]. После второй мировой войны Линцбах продолжал поиски философского языка, называемого им теперь уже универсальным языком. Основные его разработки этого времени по-прежнему связаны с идеей так называемой математической идеографии, однако теперь он ее называет конкретной математикой, предусматривающей перевод математических знаков и связанных с ними действий в идеографическую систему. Последняя призвана выполнять роль универсального языка. Линцбах пишет большую по объему работу "Универсальная математика и универсальный язык". Годом позже в этой серии он заканчивает работу "Универсальная геометрия. Наглядное представление  $n$ -мерного пространства". Обе рукописи он направляет в Академию наук СССР в Москву и в Академию наук Эстонской ССР в Таллине специалистам для отзыва. Однако получает оттуда резко отрицательные ответы. В течение 1951–1952 гг. Линцбах перерабатывает свои сочинения, представляя их теперь под общим серийным названием "Универсальная наука". Первый том этой серии назван "Универсальный язык", второй – "Универсальная математика". Вновь отсылка в названные академии и вновь скорее не отзывы, а отписки: работа не имеет научной ценности. После появления в 1950 г. работы И.В. Сталина "Относительно марксизма в языкознании" надеяться на серьезное ознакомление с работой Линцбаха со стороны специалистов из математических и языковедческих учреждений и тем более на положительный отзыв было делом безнадежным<sup>1</sup>. Ни одно из послевоенных сочинений Линцбаха так и не было опубликовано ни при его жизни, ни после смерти. Достойно сожаления, что ряд плодотворных идей Линцбаха так и не получил распространения и признания в лингвосомиотике. Несмотря на утопичность отдельных положений его теории, некоторую претенциозность названий работ ("Универсальная наука", "Универсальный язык", "Конкретная математика" и под.), имеет смысл внимательно, с позиций лингвосомиотической науки конца XX в. вчитаться в строки сочинений Линцбаха. Автор настоящей статьи свидетельствует: отдельные страницы и разделы сочинений Линцбаха читаются как неожиданное откровение, а выдвигаемые в них идеи и предлагаемые решения наводят нередко на серьезные размышления. Сейчас ясно одно: возникла настоятельная необходимость определить место этого мыслителя в истории лингвофилософии, в лингвосомиотике и интерлингвистике.

<sup>1</sup> В 50-е гг., отчаявшись получить поддержку и признание, Линцбах посвящает одну из своих работ – "Универсальная наука. I. Универсальный язык" И.В. Сталину. Насколько это был формальный шаг, говорит сам Линцбах в послесловии к этому сочинению: "В заключение обращаю внимание читателей на то, что упорству и настойчивости, с которой я работаю над данной теорией, отдавая ей досуги всей моей жизни, я обязан моей няне, старой деревенской деде Анне... Высоко ценя такое обращение с детьми, я одну из предыдущих работ, бывших на рассмотрении Академии, посвятил ее памяти. И делаю это и здесь, несмотря на то [!], что настоящая работа посвящена тов. Сталину. Пусть память о ней, интеллектуальной воспитательнице моего детства, не забудется". Так простая деревенская няня неожиданно оказалась рядом с "вождем народов". И даже выше его...

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дрезен Э.* 1928 – За всеобщим языком. Три века исканий. М.; Л., 1928.
- Дуличенко А.Д.* 1990 – Международные вспомогательные языки. Таллин, 1990.
- Кузнецов С.Н.* 1987 – Теоретические основы интерлингвистики. М., 1987.
- Линцбах Я.* 1901 – Универсальная стенография (скоропись) как запись моментов движения органов речи (фонография). Теория, усваиваемая за два дня. М., 1901.
- Линцбах Я.* 1916 – Принципы философского языка. Опыт точного языкознания. Пг., 1916.
- Лотман Ю.М.* 1973 – Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин, 1973.
- Ревзин И.И.* 1965 – О книге Я. Линцбаха "Принципы философского языка. Опыт точного языкознания". Пг., 1916 // Труды по знаковым системам II. Уч. зап. Тарт. ун-та. Вып. 181. Тарту, 1965.
- Соссюр Ф. де* 1977 – Труды по общему языкознанию. М., 1977.
- Bohr N.* 1955 – The unity of knowledge // The unity of knowledge. N.Y., 1955.
- Eesti entsüklopeedia* 1990 – Eesti entsüklopeedia. 5. Tallinn, 1990.
- Hjelmslev L.* 1943 – Omkring sprogteoriens grundlaeggelse. København, 1943.
- Kabur B.* 1967 – Jakob Linzbach – semiootika pioneer // Noorte hääl, 1967. 14. N 1.
- Kruus R.* 1979 – Lisandusi J. Linzbachi tundmaõppimiseks // Keel ja kirjandus. Tallinn, 1979.
- Kruus R.* 1987 – Eestimaa mehed ja Konstantin Tsielkovski // Horisont. 1987, N 9.
- Leibniz G.W.* 1666 – Ars combinatoria... Lipsiae, 1666.
- Linzbach J.* 1921 – Transcendent algebra. Reval, 1921.
- Linzbach J.* 1925 – La géométrie et l'analyse géométrique de l'espace à  $n$  dimensions. P., 1925.
- Linzbach J.* 1931 – Algèbre figurée. I. P., 1931.
- Stojan P.E.* 1929 – Bibliografio de internacia lingvo. Genève, 1929.
- Sudre J.F.* 1866 – Langue musicale universelle... P., 1866.
- Troubetzkoy N.* 1939 – Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939.